

Moskovskiye Vedomosti. 1911, December 21, p. 4.
Московские Ведомости. 1911, 21 декабря, с. 4.

Theatre and Music.

Philharmonic Society. With the exception of Tchaikovsky's First Piano Concerto, the rest of the program of the sixth symphony meeting of the Philharmonic Society, held on December 18, consisted of new works. Among them, however, only the symphonic poem *Sarabande* by Roger-Ducasse, his march from *Petite Suite*, and five Russian songs for female voice in harmonization and orchestration by A. Lyadov were new in the full sense.

The remaining numbers on the program, not new in themselves, appeared before the audience in new arrangements for orchestra (like Bach's *Violin Chaconne*, arranged for orchestra by M. Steinberg, and Tchaikovsky's *Romance In the Dark Hell*, orchestrated by Lyadov), or were generally performed for the first time in Moscow (like Corelli's *G minor Concerto for String Orchestra*). Thus, the program, in terms of freshness, left little to be desired. But the same cannot be said about it in terms of its internal content and the quality of performance.

Corelli's concerto is interesting as an example of early music, but nothing more. The simplicity of the musical thought and the elementary harmonization leave the modern listener completely cold to the work of a once famous composer. The performance, which was quite confident and rough in the sense of the tone, did not contribute to the favourable impression. Bach's *Chaconne* is still one of the most rewarding works in the repertoire of violin soloists, but the orchestral arrangement is essentially devoid of any meaning or interest, and is done without much taste.

Lyadov gave Tchaikovsky's romance a very beautiful and colourful orchestral accompaniment, significantly deepening its musical and poetic content, but the romance itself is not so interesting that it would be worth setting in motion such a complex apparatus as a large symphony orchestra.

The same mastery of instrumentation, its subtlety and expressiveness, constitutes the main merit of Lyadov's Russian songs. In this regard, the *Lullaby* is especially good. The songs themselves are of some interest, as examples of undoubtedly folk art, but this interest lies entirely in the realm of musical-scientific curiosity. They present no direct artistic interest (not only for specialist musicians, but also for the general public). Their primary harm in this regard is the complete insignificance of their poetic content, and the insignificance of poetic content also leaves its mark on their musical composition.

Ms. Zbrueva, a former artist of our Bolshoi Theater, now the St. Petersburg Mariinsky Theater, performed Tchaikovsky's romances and Russian songs. Her strengths are a large, beautiful, and even voice; her weaknesses are the monotony of her performance and the lack of subtlety and expressiveness. Two Rachmaninoff romances performed as encores were a resounding success, but this success should be attributed primarily to the composer himself, whose appearance at the piano as accompanist was an unexpected and pleasant surprise for the audience.

In the end, the "old friend," Tchaikovsky's concerto, turned out to be "better than the two new ones." The interest of this number was further increased by the fact that Mr. Rachmaninoff performed the piano part in it. An excellent pianist, Mr. Rachmaninoff had until then persistently avoided public performances of other people's works for piano, limiting himself only to performing his own. His current performance of Tchaikovsky's concerto was almost a forced tribute to the public; having long appreciated his virtuoso talent and longing to see him as a pianist.

And Mr. Rachmaninov the pianist is not deceived. If from a purely technical point of view he is not an exceptional figure, then as an interpreter, both here and as a conductor, he remains

an artist of enormous talent, rare in its power and brilliance, and perhaps never before has this Tchaikovsky concerto been performed with such subtlety and expressiveness as this time. Needless to say, the beloved artist was the object of the warmest ovations, accompanied by the throwing of bouquets from the choir and the presentation of a laurel lyre. A storm of applause accompanied the performance of both Tchaikovsky's concerto and (as an encore) two of his own works.

Mr. Ziloti conducted the program rather colourlessly, and in the accompaniment of Mr. Rachmaninoff he completely tied the soloist "hands and feet."

G. CH.

[Translation: Google]

Театръ и Музыка.

Филармоническое Общество. За исключеніемъ перваго фортепіаннаго концерта Чайковскаго, вся остальная программа состоявшагося 18 декабря шестого симфоническаго со-бранія Филармоническаго Общества состояла изъ новыхъ произведеній. Среди нихъ новыми въ полномъ смыслѣ были, впрочемъ, лишь симфоническая поэма Роже-Дюкасса Сарабанда, его же маршъ изъ Petite Suite и пять русскихъ пѣсень для женскаго голоса въ гармонизаціи и • инструментовкѣ для оркестра А. Лядова.

Остальные нумера программы, - не новые сами по себѣ, явились и предъ слушателями въ новомъ переложеніи для оркестра (какъ скрипичная Чаконна І. С. Баха, переложенная для оркестра М. Штейнбергомъ, и романсъ Чайковскаго Въ тѣмномъ адѣ, инструментованный для оркестра Лядовымъ), или вообще въ первый разъ исполнялись въ Москвѣ (какъ G-mollный концертъ для струннаго оркестра А. Корелли). Такимъ образомъ программа въ смыслѣ свѣжести не оставляла желать - большаго. Но нельзя сказать этого о ней со стороны ея внутренней со-держательности и качества исполненія.

Концертъ Корелли интересенъ, какъ образецъ старинной музыки, но не болѣе. Незатѣйливость музыкальной мысли и элементарная: гармонизація оставляетъ современнаго слушателя совершенно холоднымъ къ этому произведенію когда-то знаменитаго композитора. Не способствовало выгодному впечатлѣнію и исполненіе, вполне увѣренное и грубоватое въ смыслѣ оттѣнковъ.

Чаконна Баха до сихъ поръ является однимъ изъ благодарнѣйшихъ произведеній въ репертуарѣ скрищачей-солистовъ, но переложеніе ея для оркестра по существу лишено всякаго смысла и интереса, да и сдѣлано безъ особаго вкуса.

Лядовъ далъ романсу Чайковскаго очень красивое и красочное оркестровое сопровожденіе, значительно углубляющее его музыкально-поэто-ческое содержаніе, но самъ по себѣ романсъ не настолько интересенъ, чтобы стоило изъ-за него - приводить въ движеніе такой сложный аппаратъ, какъ большой симфоническій оркестръ.

То же мастерство инструментовки, ея тонкость и выразительность, со-ставляетъ главное достоинство русскихъ пѣсень Лядова. Въ этомъ от-ношеніи особенно хороша Колыбельная. Сами по себѣ пѣсни представ-ляютъ извѣстный интересъ, какъ образцы несомнѣнно народнаго твор-чества, но этотъ интересъ лежитъ всецѣло въ плоскости музыкально-научной любознательности. Непосредственнаго художественнаго интереса (не для музыкантовъ-специалистовъ только, а и для широкой публики) онѣ не представляютъ. Въ этомъ имъ вредитъ прежде всего полная ничтожность ихъ поэтическаго содержанія, а ничтожность поэтическаго содержанія кладетъ свою печать и на ихъ музыкальный складъ.

Съ романсомъ Чайковскаго и-рус-скими иѣснями выступила бывшая артистка нашего Большого театра, теперь-Петербургскаго Мариинскаго, г-жа Збруева. Достоинства ея—большой, красивый и ровный голосъ, не-достатки-монотонность исполненія, отсутствіе тонкости и выразитель-ности. Шумный успѣхъ имѣли испол-ненныѳею на bis два романса Рахманинова, но этотъ успѣхъ нуж-но поставить, главнымъ образомъ, въ счетъ самого автора, появленіе котораго за фортепіано въ качествѣ аккомпаниатора было для публики неожиданнымъ и пріятнымъ сюрпризомъ.

Въ концѣ-концовъ „старый другъ“, концертъ Чайковскаго, оказался „луч-ше новыхъ двухъ“. Интересъ этого нумера еще болѣе увеличился благо-даря тому, что въ качествѣ исполнителя фортепіанной партіи въ немъ выступилъ г. Рахманиновъ. Прекрас-ный піанистъ, г. Рахманиновъ сихъ поръ настойчиво уклонялся отъ публичныхъ выступленій въ чужихъ произведеніяхъ для фортепіано, ограничиваясь лишь исполненіемъ соб-ственныхъ. Настоящее его высту-иленіе съ концертомъ Чайковскаго явилось почти вынужденною данью публикѣ; давно уже оцѣнившей его виртуозныя данныя и жаждавшей увидѣть его въ роли піаниста.

И г. Рахманиновъ-піанистъ не обмануль савданій. Если съ чисто-технической стороны онъ не является исключительно величиной, то качествѣ интерпретатора онъ и здѣсь, какъ и за пультомъ дирижера, остается артистомъ громаднаго, рѣд-костнаго по силѣ и яркости, дарова-нія, и, можетъ-быть, никогда еще этотъ концертъ Чайковскаго не былъ исполняемъ съ такою тонкостью и экспрессивностью, какъ въ этотъ разъ. Нечего и говорить, что любимый артистъ былъ предметомъ самыхъ горячихъ овацій, сопровождав-шихся бросаніемъ съ хоръ букетиковъ и поднесеніемъ лавровой лиры. Бурею аплодисментовъ сопровождалось исполненіе какъ концерта Чайковскаго, такъ и (на bis) двухъ его собственныхъ произведеній.

Дирижировалъ г. Зилоти, довольно безцвѣтно проведеній всю программу, а въ аккомпаниментѣ г. Рахманинову и вовсе связывавшіи солиста „по рукамъ и ногамъ“.

Г. Ч.